

СОКРАТЪ.

ДРАММА.

съ

ФРАНЦУЗСКАГО

на

РОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

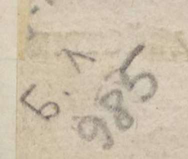
ПЕРЕВЕЛА

****

Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1774. года.

* * * * * * *

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦЫ.

СОКРАТЪ.

АНИТУСЪ, великій жрецъ богини Цереры.

МЕЛИТУСЪ, одинъ изъ судей Аѳинскихъ.

КСАНТИППА, супруга Сократова.

АГЛАЯ, молодая Аѳинянка, Сократомъ воспитанная.

СОФРОНИМЪ, молодой Аѳинянинъ, питомецъ Сократовъ.

ДРИКСА, торговка. } наперстники Анитусовы.
ТЕРПАНДРЪ и **АКРОСЪ**. }

СУДІИ.

УЧЕНИКИ Сократовы.

ТРИ ПЕДАНТА, охраняемы Анитусомъ.

ДѢЙСТВІЕ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АНИТУСЪ, ДРИКСА, ТЕРПАНДРЪ, АКРОСЪ.

АНИТУСЪ.

Любезная наперстница, и мои любезные тайностей хранители; вы знаете, сколько я вамъ сдѣлалъ прибыли въ послѣдній праздникъ богини Цереры; нынѣ я хочу вступить въ супружество, и надѣюсь, что вы въ семъ случаѣ можете оказать вашъ долгъ.

ДРИКСА.

Такъ, безъ сомнѣнія, милостивой государь, только, чтобы вы сей нашъ прибытокъ еще умножили.

АНИТУСЪ.

Госпожа Дрикса, мнѣ надобны два хорошіе Персидскіе ковра, отъ тебя Терпандръ я тре-

бую пару серебреныхъ подсвѣчниковъ, а отъ тебя хочу полдюжины платья.

ТЕРПАНДРЪ.

Ето нѣсколько много; однако, милостивой государь, нѣтъ ничего такого, чтобъ не можно было употребить для пріобрѣтенія вашего святаго покровительства.

АНИТУСЪ.

Но вы получите все сіе стократно: сей есть лучшей способъ удостоиться милости боговъ; давайте много, и себѣ ожидайте того же; а больше всего не ослабѣвайте поощрять народъ противъ всѣхъ знатныхъ людей, мало набожности имѣющихъ и дѣлающихъ рѣдкія жертвоприношенія.

АКРОСЪ.

Сего мы никогда не пропустимъ: сія должность есть такая, которой святости намъ нарушить никакъ не можно.

АНИТУСЪ.

Подите, мои друзья, боги вамъ да способствуютъ въ столь набожныхъ и правыхъ предпріятіяхъ, и не только вамъ, да и самымъ дѣтямъ дѣтей вашихъ.

ТЕРПАНДРЪ.

Когда вы насъ увѣряете: то мы и не сомнѣнны.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АНИТУСЪ, ДРИКСА.

АНИТУСЪ.

Ну, любезная Дрикса! я думаю, что мое вступленіе въ супружество со Аглаею тебѣ про-

противно быть не можетъ; но я и тебя люблю не меньше ея; и такъ мы будемъ жить въ прежнемъ нашемъ согласіи.

ДРИКСА.

Ахъ! милостивой государь. Я ревности совсѣмъ не знаю, и только чтобъ предпріятое было хорошо: я очень буду довольна. Когда я имѣла честь быть вашею любовницею, тогда наслаждалась я великимъ почтеніемъ въ Аѳинахъ. Ежели вы любите Аглаю, то и я люблю молодаго Софронима, а Ксантиппа, супруга Сократова обѣщала насъ соединить вѣчнымъ союзомъ. Вы всегда и непремѣнно будете имѣть самое тоже право надо мною. Я только огорчаюсь тѣмъ, что сей молодой человѣкъ воспитанъ безчестнымъ Сократомъ, и что Аглая еще находится въ его рукахъ: надлежитъ какъ можно скорѣе ихъ отъ него изхитить; Ксантиппа избавясь отъ нихъ, очень будетъ утѣшена. Любезной Софронимъ и прекрасная Аглая очень въ худыхъ рукахъ у Сократа.

АНИТУСЪ.

Я льщу себя твердою надеждою, любезная Дрикса, что мы съ Милитусомъ, можемъ погубить сего опаснаго для насъ человѣка, котрой только, что проповѣдуетъ о добродѣтели и божествѣ, и осмѣливается шутить подлинными приключеніями бывшими въ отправленіи таинствъ богини Цереры. Но онъ воспиталъ Аглаю. Агатонъ отецъ ея, сказываютъ, оставилъ великое сокровище; Аглая почтенія достойна, я ее съ почтеніемъ люблю: надобно, чтобъ я женился на ней, и поберегъ Сократа.

ДРИКСА.

Береги его; только чтобъ я имѣла сего молодаго человѣка: но какъ Агатонъ могъ оставить свою дочь въ рукахъ сего стараго Сократа? сего несноснаго разскащика, которой только развращаетъ молодыхъ людей и препятствуетъ имъ посѣщать своихъ любовницъ, и отправлять таинства.

АНИТУСЪ.

Агатонъ былъ единаго съ нимъ испорченнаго ученія; онъ былъ изъ числа тѣхъ грубыхъ и дерзскихъ людей, кои имѣютъ разные съ нами нравы, и суть люди совсѣмъ другихъ вѣковъ и другой части свѣта. Сіи непримиримые наши враги, думаютъ, что они уже исполняютъ свою должность, естьли почитаютъ божество, вспомогаютъ человѣчеству, сохраняютъ дружбу и обучаются Философіи; они подтверждаютъ нагло: будто боги на легкомъ скота не дѣлаютъ намъ о будущемъ никакого откровенія. Сіи немилосердные разскащики кричатъ и то, что будто жрецы, принося на жертву дѣвицъ, обходится съ ними своевольно. И такъ изъ сего можете заключить, что сіи чудовища жизни ни мало не достойны; я бы разорвалъ Сократа; однако я еще хочу съ нимъ поговорить подъ сими переходами, и заключить о моемъ супружествѣ дѣо.

ДРИКСА.

Вотъ онъ. Вы ему много дѣлаете чести; я васъ съ нимъ оставляю, а сама пойду къ Ксантиппѣ поговорить съ нею объ молодомъ семъ человѣкѣ.

АНИТУСЪ.

Боги да сохранятЪ тебя, любезная Дрикса! служи имЪ вѣрно, и не забудь о моихЪ двухЪ ПерсидскихЪ коврахЪ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

АНИТУСЪ, СОКРАТЪ.

АНИТУСЪ.

Здравствуй, любезной СократЪ, любимецЪ боговЪ, разумнѣйшей изЪ смертныхЪ. Я бываю внѣ себя всякой разЪ, когда тебя вижу, и почитаю весьма твое человѣколюбіе.

СОКРАТЪ.

Я человѣкЪ простой, лишенный ученія, и столько же подверженЪ слабостямЪ, какЪ и всѣ другіе. Ето весьма много, ежели вы еще меня сносите.

АНИТУСЪ.

Тебя сносить? Я тебѣ удивляюсь; и естьли можно, то бы я весьма хотѣлЪ тебѣ быть подобнымЪ, и чтобЪ чаще быть свидѣтелемЪ твоей добродѣтели, и чаще слушать твоего ученія. Я хочу вступить вЪ супружество сЪ прекрасною твоею воспитанницею Аглаею, которой судьба отЪ тебя зависитЪ.

СОКРАТЪ.

Ето правда; АгатонЪ отецЪ ея былЪ мнѣ другЪ, такЪ сказать больше нежели родственникЪ, и поручилЪ мнѣ по завѣщанію своему сію прекрасную и добродѣтельную сиротку.

АНИТУСЪ.

СЪ великимЪ богатствомЪ? и какЪ сказываютЪ, что ето лучшая невѣста вЪ АѳинахЪ?

 СократЪ.

СОКРАТЪ.

Что касается до сего, то я не могу вамъ дать никакого изъясненія; ея отецъ, сей любезной другъ, коего приказанія почитаю я свято, заповѣдалъ мнѣ симъ же завѣщаніемъ, не разглашать о щастіи его дочери.

АНИТУСЪ.

Сіе почтеніе къ послѣднему завѣщанію друга и наблюденіе молчанія достойны добродѣтельной души твоей; но со всѣмъ тѣмъ довольно знаютъ, что Агатонъ былъ человѣкъ богатой.

СОКРАТЪ.

Онъ богатства былъ и достоинъ, естьли токмо оно почитается за милость высочайшаго существа.

АНИТУСЪ.

Говорятъ, что нѣкто безмозглой молодой человѣкъ Софронимъ льститъ ей по причинѣ ея богатства; но я увѣренъ, что ты присовѣтуешь отказать ему, и что такой человѣкъ какъ я, совмѣстника имѣть у себя не будетъ.

СОКРАТЪ.

Я знаю, что должно мнѣ думать о человѣкѣ вамъ подобномъ. Но только мнѣ чувствованія Аглаи ограничивать не можно. Я ей вмѣсто отца, а не господина. Она своимъ сердцемъ сама повелѣвать можетъ. Я всякое принужденіе убійствомъ почитаю: говорите ей сами, и ежели она будетъ согласна на ваше предложеніе, то и я соглашаюсь на ея волю.

АНИТУСЪ.

Я ужè согласился съ Ксантиппою, вашею супругою; безъ сомнѣнія она извѣстна о намѣреніи

реніи Аглаи, такъ я думаю, что ужѐ все и сдѣлано.

СОКРАТЪ.

А я не могу почитать вещь сдѣланною, ежели она еще не сдѣлана.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СОКРАТЪ, АНИТУСЪ, АГЛАЯ.

СОКРАТЪ.

Поди прекрасная Аглая! поди и окончай свой жребій. Вотъ одинъ изъ знатныхъ людей, которой желаетъ вступить съ тобою въ супружество. Я вамъ оставляю всю вольность съ нимъ изъясниться; сія вольность, можетъ быть, въ присутствіи моемъ будетъ принуждениа, и какой бы ты выборъ ни сдѣлала, я на все согласенъ; а Ксантиппа пріуготовитъ все для твоего брака потребное.

АГЛАЯ.

Ахъ, великодушный Сократъ! я съ великимъ огорченіемъ разстаюсь съ вами.

АНИТУСЪ.

Кажется, прекрасная Аглая, что вы много полагаетесь на добродѣтельнаго Сократа.

АГЛАЯ.

Мнѣ такъ и должно. Онъ мнѣ вмѣсто родителя, и онъ управляетъ моею душею.

АНИТУСЪ.

Хорошо! ежели онъ управляетъ вашими мыслями, то скажите мнѣ, что вы думаете о Церерѣ, о Сибелѣ и о Венерѣ?

АГЛАЯ.

Увы! я могу думать объ нихъ все, что вы хотите.

АНИТУСЪ.

Хорошо сказано! такъ вы можете все то и дѣлать, что я хочу?

АГЛАЯ.

Нѣтъ: одно съ другимъ великое имѣетъ несходство.

АНИТУСЪ.

Вы видите, что разумной Сократъ на нашъ союзъ согласенъ. Ксантиппа, его супруга, спѣшитъ къ окончанію сего брака. Вы знаете, какую вы мысль въ меня внушили; вы знаете мой чинъ и мою власть; вы знаете мое щастіе; а можетъ быть и ваше зависитъ только отъ одного вашего слова.

АГЛАЯ.

Я хочу вамъ сказать откровенно; ибо сей великой человѣкъ отсюда вышедшій, научилъ меня никогда не притворяться, хочу отвѣтствовать съ тою вольностію, которую онъ мнѣ оставилъ. Я почитаю ваши достойнства, но васъ очень мало знаю, и такъ не могу согласиться съ вами.

АНИТУСЪ.

Вы не можете, будучи въ своей волѣ. Увы! жестокая Аглая, и такъ вы не хотите?

АГЛАЯ.

Правда, я не хочу.

АНИТУСЪ.

Подумайте же, какое безчестіе вы мнѣ наносите. Я вижу, что Сократъ мнѣ измѣняетъ;

онъ

онъ то мнѣ такимъ образомъ чрезъ васъ отвѣчаетъ. Онъ даетъ преимущество молодому Софрониму, моему недостойному совмѣстнику, сему беззаконнику. . . .

АГЛАЯ.

Софронимъ беззаконникомъ быть не можетъ: онъ при немъ съ самого младенчества; Сократъ ему такъ какъ и мнѣ вмѣсто родителя. Софронимъ исполненъ пріятностями и добродѣтелію. Я его люблю, и имъ любима; и такъ оставалось бы только мнѣ быть его женою; однакожъ я ему, также какъ и всѣмъ, женою никогда не буду.

АНИТУСЪ.

Все, что вы мнѣ теперь ни говорите, ужасаетъ меня: какъ! вы осмѣливаетеся мнѣ признаваться, что вы любите Софронима?

АГЛАЯ.

Такъ: я смѣю вамъ въ томъ признаться, потому, что это самая правда.

АНИТУСЪ.

И ежели ваше щастіе состоитъ только въ томъ, чтобъ быть съ нимъ соединенной, такъ для чего же вы отказываете ему вашу руку?

АГЛАЯ.

И это еще самая же правда.

АНИТУСЪ.

И такъ вы, конечно опасаясь огорчить меня, не хотите съ нимъ вступать въ обязательство.

АГЛАЯ.

Нѣтъ, я васъ увѣряю! когда я не старалась быть вамъ угодною; слѣдовательно не страшусь и того, когда буду вамъ противна.

Анитусъ.

АНИТУСЪ.

Такъ вы страшитесь прогнѣвить боговъ, отдавая преимущество такому нечестивцу, каковъ Софронимъ, и презирая священника, служащаго олтарю оныхъ.

АГЛАЯ.

Никакъ! очень увѣрена, что высочайшему существу весьма въ томъ мало нужды, быть ли мнѣ, или не быть вашею женою.

АНИТУСЪ.

Высочайшее существо! любезная Аглая, тебѣ бы не такъ говорить надлежало, а должно бы сказать, *боги и богини*. Берегитесь: я нахожу въ васъ мысли опасныя, и знаю, кто вамъ внушилъ оныя. Знайте, что Церера, у которой я великой жрецъ, можетъ наказать васъ за презрѣніе, являемое вами къ ней и къ ея служителю.

АГЛАЯ.

Я ни того ни другаго не презираю. Мнѣ сказывали, что Церера вспомоществуетъ во изобиліи хлѣба, я тому и вѣрю; но въ моемъ бракѣ конечно она не имѣетъ никакой нужды.

АНИТУСЪ.

Она во все входитъ, вы то довольно знаете. Но наконецъ я надѣюсь васъ обратить: правда ли, что будто вы предпріяли не вступать въ супружество съ Софронимомъ?

АГЛАЯ.

Такъ конечно; и весьма о томъ жалѣю.

АНИТУСЪ.

Я изъ сихъ словъ ничего не разумѣю. Послушайте, я тебя люблю, и хочу сдѣлать

твое

твое щастіе, возведя тебя на великую степень; вѣрь мнѣ, не огорчай меня, и, не презирай то, что составляетъ твое благополучіе. Знай, что надобно жертвовать всѣмъ щастію нашей жизни; младость проходитъ, богатство же и щастіе навсегда остается съ нами, а сокровища и честь должны быть однимъ твоимъ предметомъ; познай также и то, что я тебѣ говорю именемъ боговъ и богинь; я тебя заклинаю, поприлѣжнѣе о семъ подумать. Прощай любезная Аглая! я пойду молить Цереру, чтобъ она въ васъ сіе вдохнула, и надѣюсь еще, что она тронетъ ваше сердце. Прощай и помни, что обѣщала мнѣ не вступать въ бракъ съ Софронимомъ.

АГЛАЯ.

Ето я сама себѣ, а не вамъ обѣщала.

[*Анитусъ уходитъ*]

АГЛАЯ одна.

Сколь много сей человѣкъ умножаетъ мою горесть: я не знаю, для чего я безъ содроганія не могу видѣть сего жреца; но вотъ Софронимъ. Увы! въ то время, какъ его совмѣстникъ поражаетъ меня страхомъ, сей умножаетъ во мнѣ сожалѣніе и нѣжность.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

АГЛАЯ, СОФРОНИМЪ.

СОФРОНИМЪ.

Любезная Аглая, я вижу Анитуса, сего жреца богини Цереры, сего злобнаго человѣка, сего непримиримаго врага Сократова, отъ тебя вышед-

вышедшаго; и твои глаза́ мнѣ кажутся наполнены слезами.

АГЛАЯ.

Онъ врагъ нашему добродѣтельному Сократу. Теперь я ужѐ больше не удивляюсь тому отвращенію, которое чувствовала я прежде, нежели какъ онъ еще со мною говорить на́чалъ.

СОФРОНИМЪ.

Увы! и такъ я долженъ его почитать причиною сле́зъ, помрачающихъ глаза̀ ваши.

АГЛАЯ.

Онъ причиняетъ мнѣ одно токмо отвращеніе. Нѣтъ Софронимъ, ты одинъ, который можешь извлечь мои сле́зы.

СОФРОНИМЪ.

Я! великіе Боги! Я, которой радостно за нихъ плачу̀ моею жизнію, тебя обожаю, и льщу себя надеждою быть любимъ тобою; я живу только для тебя въ свѣтѣ, и за тебя смерть мнѣ пріятна: я бы упрекалъ себя повсечасно, естьли бы хотя на минуту въ твоей жизни могъ нанесть тебѣ скуку; ты плачешь, а я тому причиной? Что же я сдѣлалъ! какое злодѣйство?

АГЛАЯ.

Вы со всѣмъ тому не причастны. Я пла́чу для того, что вы достойны всего моего сожалѣнія: да вы ужѐ оное и имѣете; но мнѣ должно отъ васъ отказаться.

СОФРОНИМЪ.

Какія ужаснѣйшія слова̀ теперь произносите! Нѣтъ, я не могу вѣрить: и когда вы меня любите, то перемѣниться не можете Вы обѣща-

обѣщались быть моею, и такъ вы смерти моей не пожелаете.

АГЛАЯ.

Я хочу, чтобъ ты жилъ щастливо, Софронимъ; а я не могу никакъ сдѣлать тебя благополучнымъ. Я надѣялась: только мое щастіе меня обмануло; клянусь тебѣ, что не ставъ твоею, я во вѣкъ ничьею не буду. Я объявила сіе Анитусу, которой меня желаетъ; но я его презираю. Я произношу теперь сіе отъ сердца, наполненнаго великою печалію и нѣжнѣйшею любовію.

СОФРОНИМЪ.

И когда ты еще меня любишь, то я могу жить въ свѣтѣ; а естьли ты отказываешь мнѣ, такъ смерть будетъ моей отрадой. Любезная Аглая! для сей любви, для красоты твоей и добродѣтели, изъясни мнѣ сію плачевную тайну.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

СОКРАТЪ, СОФРОНИМЪ, АГЛАЯ.

СОФРОНИМЪ.

О Сократъ, наставникъ и отецъ мой! я бывъ нещастнѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, вижу себя между двумя существами, коими я дышу: ты научилъ меня премудрости; а Аглая дала мнѣ чувствовать любовь. Ты согласился на наше бракосочетаніе; но прекрасная Аглая хотя и казалась прежде склонною къ сему, но нынѣ отвергаетъ; и увѣряя, что она меня любитъ, вонзаетъ ножъ въ мое сердце. Она разрушаетъ

бракъ

бракъ нашъ, не сказывая причины сей немилосердой отмѣны. И такъ или воспрепятствуйте моему нещастію, или научите меня, ежели можно, оное снесть великодушно.

СОКРАТЪ.

Воля Аглаи не можетъ быть никѣмъ ограничена. Родитель ея сдѣлалъ меня ея опекуномъ, а не тиранномъ: я самъ поставлялъ въ томъ мое щастіе, чтобы васъ соединить съ нею, и ежели она перемѣнила свое намѣреніе, то я равно удивляюсь и огорчаюсь онымъ; но должно выслушать ея причины; и ежели онѣ справедливы, то надлежитъ уступить онымъ.

СОФРОНИМЪ.

Онѣ быть справедливыми не могутъ.

АГЛАЯ.

По крайней мѣрѣ онѣ кажутся въ моихъ глазахъ таковыми: удостойте только выслушать меня терпѣливо. Когда вы приняли тайное завѣщаніе отъ моего родителя, мудрой и милосердой Сократъ: тогда сказали вы мнѣ, что онъ оставилъ мнѣ довольно честное пропитаніе, съ которымъ я могу жить въ свѣтѣ. Я предпріяла съ того же времени сдѣлать щастіе твоему любезному ученику Софрониму, которой токмо васъ имѣетъ своею подпорою, и вмѣсто всякаго богатства одну добродѣтель. Вы похвалили мое опредѣленіе. Вы понимаете, сколь велико было мое щастіе, сдѣлать одного Аѳинца благополучнымъ, коего я не инако какъ вашего сына почитаю. Воображая такое благоденствіе, и восхищаясь сладкимъ удовольствіемъ, котораго сердце мое болѣе сохранять въ себѣ было не въ

силахъ,

силахъ. Я открыла сіе радостное души моей состояніе Ксантиппѣ вашей супругѣ, и тогда то все сіе мгновенно изчезло. Она упрекала меня легковѣрною, и показала мнѣ завѣщаніе моего родителя умершаго въ бѣдности и не оставивша мнѣ ни малаго пропитанія, но токмо поручившаго меня въ вашу дружбу, которою вы съ нимъ были обязаны. Въ сіе время, какъ отъ сна проснувшись я чувствую лишъ только ужасную горесть, находя себя не въ состояніи сдѣлать щастливымъ Софронима, и такъ не хочу его отягощать моею бѣдностію.

СОФРОНИМЪ.

Я говорилъ вамъ Сократъ, что ея оправданіе справедливымъ быть не можетъ; и естьли она меня любитъ, то на что мнѣ ея богатство. Правда, я всегда вспомоществуемъ тобою: но еще нѣтъ ничего столь труднаго въ нашей жизни, чтобъ я не принялъ на себя для доставленія потребнаго любезной моей Аглаѣ; по справедливости я бы долженъ былъ жертвовать ей моею любовью, и стараться доставить ей супруга меня достойнѣе; но признаюсь, что я не имѣю столько силы; а чрезъ то дѣлаю себя ей недостойнымъ. Но когда бы она была довольна моимъ состояніемъ, и захотѣлабъ сравнятся сомною... Ахъ нѣтъ! я требовать и желать сего не смѣю, и подвергаюсь совершенно тому нещастію, которое она претерпѣваетъ.

СОКРАТЪ.

Любезные дѣти! Ксантиппа была весьма нетерпѣлива, что могла показать вамъ такое

завѣщаніе: но только вѣрь прекрасная Аглая, что она тебя обманула.

АГЛАЯ.

Она меня не обманула; я видѣла своими глазами мою бѣдность. Рука моего родителя мнѣ весьма знакома, будьте увѣрены, Сократъ, что я еще могу подкрѣплять мою бѣдность своими руками; сего будетъ довольно для моей жизни, но для Софронима будетъ мало.

СОФРОНИМЪ.

А для меня еще несравненно больше, нѣжная и великая душа, достойная воспитанія Сократова, благородная и трудолюбивая бѣдность, есть естественное состояніе человѣка. Я бы съ радостію желалъ на престолъ возвесть тебя; но ежели ты удостоишь меня жить съ тобою, то наша почтенная бѣдность можетъ почесться выше Крезова трона.

СОКРАТЪ.

Ваши чувствія мнѣ нравятся столько же, сколько и смягчаютъ мое сердце. Я вижу съ восхищеніемъ плодящуюся въ вашихъ сердцахъ ту самую добродѣтель, которую я въ нихъ посѣялъ. Никогда еще мои стараніи столь много награждены не были, и никогда моя надежда еще такъ не исполнялась. Но Аглая вѣрь мнѣ, что моя жена тебѣ худо истолковала твое состояніе, и ты больше богата нежели какъ о томъ думаешъ; ибо не ей, а мнѣ родитель твой тебя повѣрилъ: и такъ не могъ ли онъ оставить тебѣ такое сокровище, о которомъ Ксантиппа и знать не можетъ.

Аглая.

АГЛАЯ.

Нѣтъ Сократъ, онъ ясно говоритъ въ своемъ завѣщанiи, что меня бѣдною оставляетъ.

СОКРАТЪ.

А я тебѣ сказываю, что ты въ томъ обманута, и что онъ еще оставилъ тебѣ, чѣмъ бы прожить щастливо съ добродѣтельнымъ Софронимомъ. И такъ надлежитъ, чтобъ вы оба подписали сей часъ ваше согласiе.

ЯВЛЕНIЕ СЕДЬМОЕ.

СОКРАТЪ, КСАНТИППА, АГЛАЯ, СОФРОНИМЪ.

КСАНТИППА.

Пойдемъ, пойдемъ, любезная дочь; и не полагайся на мнѣнiе моего мужа. Философiя очень хороша въ довольномъ состоянiи: а ты ничего не имѣешь. Надлежитъ жить въ свѣтѣ; а философствовать вы послѣ будете: теперь я заключила вашъ бракъ съ Анитусомъ, достойнымъ жрецомъ, человѣкомъ знатнымъ и сильнымъ. Ступай, послѣдуй мнѣ безъ замедлѣнiя, отговорки совсѣмъ не къ статѣ; я хочу, чтобъ ты мнѣ была послушна, и скоро: ето для собственнаго твоего благополучiя, не разсуждай болѣе, и мнѣ послѣдуй.

СОФРОНИМЪ.

О небо! ахъ любезная Аглая!

СОКРАТЪ.

Пускай ее говоритъ, и положись на меня въ твоемъ благополучiи.

КСАНТИППА.

Какъ, только чтобъ я говорила? Я непремѣнно хочу ето окончать такъ, какъ я желаю. Очень не къ статѣ съ твоею Философіею и со всѣми твоими вздорами, которые ни къ чему не годятся вмѣшиваться тебѣ, чтобъ совокуплять бракомъ дѣвицъ. Ты очень доброй человѣкъ, только въ разсужденіи свѣта ничего не знаешь, и очень щастливъ тѣмъ, что я управляю тобою. Пойдемъ, Аглая, пойдемъ, чтобъ я поскорѣе тебя пристроила: а ты будучи столь удивленъ онымъ, познай, что я и о тебѣ также пекуся; Дрикса будетъ твоею женою: и такъ вы оба меня благодарить станете, все будетъ совершено въ одну минуту, я очень нетерпѣлива; не надобно терять времени, все сіе долженствовало бы ужѐ быть сдѣлано.

СОКРАТЪ.

Не раздражайте ея, любезные дѣти! и показывайте ей всякое повиновеніе. Надобно ей нравиться: ибо исправить ея не можно. Симъ торжествуетъ разумъ, чтобъ жить хорошо съ такими людьми, которые его не имѣютъ.

ДѢЙСТВІЕ

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СОКРАТЪ, СОФРОНИМЪ.

СОФРОНИМЪ.

О Божественный Сократъ! я не могу вѣрить моему щастію: какъ можетъ статься, чтобъ Аглая, коей родитель умеръ въ крайней бѣдности, имѣла столь великое приданое.

СОКРАТЪ.

Я ужѐ тебѣ сказалъ, что она имѣла больше, нежели какъ думала. Я лучше зналъ доходы ея родителя: для васъ обоихъ будетъ весьма довольно и того, чтобъ наслаждаться тѣмъ щастіемъ, котораго вы достойны; чтожъ принадлежитъ до меня, то я ввѣренную мнѣ тайну, какъ отъ живыхъ, такъ и отъ умершихъ равно хранить обязанъ.

СОФРОНИМЪ.

Я только одного страшуся, чтобъ сей жрецъ Цереры, которому вы меня предпочитаете, не сталъ вамъ за оное мстить: это такой человѣкъ, котораго опасаться должно.

СОКРАТЪ.

Чего можетъ страшиться тотъ, кто исполняетъ свою должность. Я знаю злость враговъ моихъ, я знаю всѣ ихъ ухищренія: но тѣ, кои ищутъ дѣлать добро людямъ, и не прогнѣвляютъ небо, какъ во время своей жизни, такъ и по смерти ничего опасаться не долженствуютъ.

СОФРОНИМЪ.

Самая правда: однако я умру съ печали, ежели благополучіе, коимъ я тебѣ буду обязанъ, подвигнетъ твоихъ злодѣевъ къ искушенію твоей геройской твердости.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СОКРАТЪ, СОФРОНИМЪ, АГЛАЯ.

АГЛАЯ.

Благодѣтель! отецъ мой! человѣкъ свыше человѣчества! я припадаю къ ногамъ твоимъ; помоги мнѣ Софронимъ. Сократъ совокупляетъ насъ на щетъ своего щастія, онъ мнѣ даетъ мое приданое; и лишается для насъ большой части своего имѣнія. Нѣтъ, мы сего стерпѣть не можемъ, и не захочемъ обогатиться онымъ, и чѣмъ больше сердце наше къ нему благодарностію обязано, тѣмъ больше надлежитъ ему послѣдовать въ честности.

СОФРОНИМЪ.

Я столько же восхищаюсь твоею добродѣтелію, и вкупѣ съ нею припадаю теперь къ ногамъ твоимъ: мы чувствуемъ равно твои благодѣянія, и столь много тебя любимъ, Сократъ, что оныя на зло конечно не употребимъ.

Щитай

щитай насъ собственными дѣтьми твоими; но чтобъ сіи дѣти твои не были тебѣ въ тягость. Дружба твоя есть единственное наше сокровище, и ея токмо одной мы желаемъ. Какъ! ты будучи не весьма богатымъ, приступаешь къ тому, что и самые земель властители не всегда дѣлаютъ; и естьли мы примемъ сіе твое благодѣяніе, то мы конечно его будемъ не достойны.

СОКРАТЪ.

Встаньте, мои дѣти; вы весьма меня смущаете: послушайте, не надлежитъ ли наблюдать намъ приказанія умершихъ? Родитель твой, Аглая! на котораго я взиралъ, какъ на самого себя, не завѣщалъ ли мнѣ почитать тебя вмѣсто дочери? Я ему повинуюсь; я бы измѣнилъ дружбѣ и повѣренности его, ежели бы меньше сего сдѣлалъ; я принявъ его завѣщаніе, оное исполняю, и малое, что я теперь даю тебѣ, не нужно для моей старости, которая уже ни въ чемъ нужды не имѣетъ. И такъ ежели я повиновался другу своему, то ты своему отцу непремѣнно повиноваться долженствуешь; а нынѣ онаго мѣсто я въ тебѣ занимаю, и симъ священнымъ именемъ повелѣваю тебѣ не огорчать меня своимъ преслушаніемъ; но оставь теперь меня; ибо я вижу Ксантиппу, и имѣю свои причины, чтобъ вы ея присутствія нынѣ убѣгали.

АГЛАЯ.

Ахъ! сколь жестокое приказаніе, кое ты намъ теперь повелѣваешь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

СОКРАТЪ и КСАНТИППА.

КСАНТИППА.

Подлинно, ты дѣлаешь весьма изрядно. Клянусь честію моею, что тебя въ томъ предупредить должно. Посмотри какія глупости! я обѣщала выдать Аглаю за жреца Анитуса, которой имѣетъ повѣренность между знатными, а Софронима женить на Дриксѣ, сей богатой торговкѣ, которая имѣетъ большую повѣренность въ народѣ; но ты къ нарушенію моего слова хочешь сихъ двухъ безразсудныхъ соединить вмѣстѣ; и сего еще не довольно, ты даешь ей въ приданое большую часть своего имѣнія, двадцать тысячь драхмъ; праведные боги! двадцать тысячь драхмъ. Не стыдно ли тебѣ? Чѣмъ ты будешь жить, приближаясь къ семидесяти лѣтъ твоей жизни? Кто будетъ платить твоему лекарю, когда ты будешь боленъ; твоему стряпчему, когда ты будешь имѣть судное дѣло? наконецъ, что я буду дѣлать, какъ сей плутъ Анитусъ и его сообщники, доселѣ державшіе твою сторону, соединятся къ твоей погибѣли такъ, какъ и прежде они тебя изгоняли? Небо! истреби Философовъ и Философію, и мою глупую къ тебѣ дружбу. Ты хочешь управлять другими; но тебѣ самому помочь потребна. Ты разсуждаешь безпрестанно, и не имѣешь довольнаго о свѣтѣ понятія; и ежели бы ты не былъ добросердеченъ, то бы ты былъ самой смѣшной и несносной человѣкъ въ свѣтѣ. Слушай, теперь все только

отъ

отъ одного слова твоего зависитъ: прерви въ сію минуту глупое сіе согласіе, и сдѣлай все то, что я желаю.

СОКРАТЪ.

Очень хорошо сказано, любезная Ксантиппа, и съ довольною умѣренностію; дозволь же теперь меня выслушать: я не старался о семъ бракѣ, Софронимъ и Аглая другъ друга любятъ, и сто́ятъ одинъ другаго. Я отдалъ ужѐ тебѣ все то имѣніе, которое бы я только могъ тебѣ уступить по законамъ; а отдаю теперь почти все, что остается у меня дочерѣ моего друга, а малое, что я еще себѣ оставляю, для меня будетъ весьма довольно. У меня нѣтъ лекарей, которымъ бы я платить былъ долженъ, для того что я воздерженъ. Мнѣ нѣтъ нужды такъ же и въ стряпчихъ, для того что я не имѣю ни происковъ, ни долгу. Чтожъ принадлежитъ до Философіи, которою ты меня упрекаешь: то она научаетъ меня терпѣливно сносить гоненіе отъ Анитуса и твое негодованіе, и тебя любить не смотря на нравъ твой.

выходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КСАНТИППА одна.

Старой дуракъ! Однако не взирая на все сіе, все, мнѣ кажется, я его почитать долженствую. Ибо со всѣмъ тѣмъ есть нѣчто столь великое въ его глупости. Всегдашнее его равнодушіе меня приводитъ въ бѣшенство; и сколько я его ни браню, однако всѣ труды

мои напрасны. Тритцать лѣтъ, какъ я ужѐ живу съ нимъ почти въ беспрестанномъ безпокойствіи; и когда лишъ только приду въ великое сердце, то онъ меня опровергнетъ, и я совсѣмъ въ замѣшательствѣ бываю; или есть въ его душѣ столь превосходнѣйшее, чего я въ себѣ не имѣю?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

КСАНТИППА, ДРИКСА.

ДРИКСА.

Ну госпожа Ксантиппа, вотъ какъ ты можешь повелѣвать въ своемъ домѣ! фу, какъ это дурно, чтобъ дать волю мужу господствовать надъ собою! Сей проклятой Сократъ похищаетъ у меня сего прекраснаго Аѳинца, котораго я хотѣла сдѣлать щастливымъ; но онъ мнѣ за то заплатитъ измѣникъ.

КСАНТИППА.

Госпожа Дрикса! ты весьма сожалѣнія достойна: но пожалуй не сердись на моего мужа, я ужъ и такъ довольно на него сердилась. Онъ глупъ, я знаю очень: но со всѣмъ тѣмъ онъ имѣетъ весьма хорошее сердце; въ немъ также нѣтъ никакого лукавства, и онъ дѣлаетъ всѣ дурачества безъ всякаго умыслу и съ такой простотой, что оная смягчаетъ наше противу его сердце. Со всѣмъ тѣмъ онъ такъ упрямъ, какъ оселъ; я во всю свою жизнь его бѣсила, а бывало то, что иногда я его и бивала: однако, не только чтобъ чрезъ то я могла его исправить, да и разсердить иногда была не въ состо-

анiи. И такъ чтожъ вы хотите, чтобъ я съ нимъ дѣлала?

ДРИКСА.

Я отмщу ему, еще подтверждаю; я вижу подъ сими сводами его добраго друга Анитуса и еще другихъ: и такъ прошу меня оставить.

КСАНТИППА.

Боже мой! я страшусь, чтобъ всѣ сiи люди не сдѣлали какого нещастiя моему мужу; пойдемъ скорѣй его увѣдомить. Ибо со всѣмъ тѣмъ не льзя, чтобъ я его не любила.

ЯВЛЕНIЕ ШЕСТОЕ.

АНИТУСЪ, ДРИКСА, ТЕРПАНДРЪ, АКРОСЪ.

ДРИКСА.

Мы обруганы равно, почтенный Анитусъ, и вамъ такъ же, какъ и мнѣ измѣняютъ. Безчестной Сократъ отдаетъ почти все свое имѣнiе Аглаѣ единственно только для того, чтобъ васъ привесть въ отчаянiе. И такъ надлежитъ, чтобъ вы ему за оное отмстили достойно.

АНИТУСЪ.

Въ семъ моемъ желанiи и самое небо участiе имѣетъ: ибо сей человѣкъ конечно презираетъ боговъ, когда меня безчестить старается; уже покушались на него съ нѣкоторыми извѣтами. И такъ надобно, чтобъ ты помогла мнѣ паки возобновить всѣ оные; а по сему приводя его къ концу его жизни, я предложу ему свое покровительство, съ тѣмъ только усло-

условіемъ, чтобъ онъ уступилъ мнѣ Аглаю, и тебѣ твоего Софронима. Чрезъ сіе мы все исполнимъ: онъ будетъ наказанъ страхомъ, которой онъ въ сіе время претерпѣвать станетъ; я получу себѣ свою любовницу, а ты своего любовника.

ДРИКСА.

Самая премудрость вамъ въ мысль теперь сіе влагаетъ; надобно, чтобъ нѣкое божество вамъ сіе внушило. Научитежъ насъ, что должны мы дѣлать.

АНИТУСЪ.

Вотъ приближается тотъ часъ, въ которой судьи пойдутъ въ судебное мѣсто, и Мелитусъ начальникъ оныхъ.

ДРИКСА.

Но сей Мелитусъ немного Педантъ, злой человѣкъ и вашъ непріятель.

АНИТУСЪ.

Да онъ и Сократу еще больше, нежели какъ мнѣ непріятель. Сей негодной лицемѣръ подкрѣпляетъ противу моей власти права̀ Ареопага: однако мы съ нимъ всегда бываемъ согласны на погубленіе сихъ ложныхъ мудрецовъ, могущихъ открывать народу поступки наши. Послушай, любезная Дрикса, ты-веть набожна?

ДРИКСА.

Совершенно, милостивой государь! я люблю деньги и забавы отъ всего моего сердца; а что касается до набожности, то я не уступаю никому въ свѣтѣ.

Ани-

АНИТУСЪ.

Поди и собери сколько нибудь изъ народа набожныхъ съ собою, и когда судіи пойдутъ, тогда остановя ихъ, проси за беззаконіе.

ТЕРПАНДРЪ,

Мы готовы; но естьли тутъ что нибудь получить за оное?

АКРОСЪ.

Конечно: да какоежъ беззаконіе?

АНИТУСЪ.

Всякаго рода: вамъ только надобно обвинятъ его смѣло, что онъ не вѣритъ богамъ; что всего короче.

ДРИКСА.

Охъ! оставте мнѣ ето исполнить.

АНИТУСЪ.

Ты будешь совершенно защищаема: поди подъ сіи переходы со своими друзьями, а я между тѣмъ научу нѣкоторыхъ вѣстовщиковъ, которые ко мнѣ часто ходятъ обѣдать. Я признаюсь, что сіи люди весьма презрительны: но они въ случаѣ вредить могутъ, а особливо когда они хорошо управляемы; надлежитъ не упускать ничего, чтобъ желаемое получить удобно. Подите, любезные друзья! подъ покровительствомъ Цереры, и просите судей, по данному мною вамъ знаку. Сей способъ есть наилучшій получить небо, а особливо жить на землѝ благополучно.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АНИТУСЪ, ГРАФІОСЪ, ШОМОСЪ, БЕРТИЛОСЪ.

АНИТУСЪ.

Мужественный Графіосъ! мудрый Шомосъ! нѣжный Бертилосъ! сдѣлалиль вы противъ сего злаго Сократа то, что я говорилъ вамъ?

ГРАФІОСЪ.

Я трудился, милостивой государь! и ему избѣжать не можно.

ШОМОСЪ.

Я доказывалъ противу его истинну, и онъ совсѣмъ смѣшонъ.

БЕРТИЛОСЪ.

Я въ моемъ журналѣ о немъ упомянулъ только одно слово, и онъ погибнетъ конечно.

АНИТУСЪ.

Берегись, Графіосъ: больше всего запрещаю тебѣ пространную рѣчь; ты съ природы скученъ, и такъ судей можешь вывесть изъ терпѣнія.

ГРАФІОСЪ.

Милостивой государь! я написалъ только одинъ листъ, и доказываю въ немъ, что душа соединяется чрезъ вліяніе всѣхъ добротъ; что хвосты даны звѣрямъ для того, чтобы они отгоняли ими мухъ; что Церера творитъ чюдеса; и слѣдовательно Сократъ есть врагъ обществу, котораго истребить должно.

АНИТУСЪ.

Очень хорошо сдѣлано. Поди отнеси свое объявленіе второму судьѣ, которой есть предорогой

рогой Философъ; и я тебѣ отвѣчаю, что ты скоро избавишся отъ своего непріятеля.

ГРАФІОСЪ.

Милостивой государь! я врагомъ ему совсѣмъ быть не желаю: только огорчаюся тѣмъ, что его столь много почитаютъ; и все, что теперь ни дѣлаю, то все въ славу Богини Цереры, и для пользы моего отечества.

АНИТУСЪ.

Подижъ не мѣшкавъ. Ну Шомосъ, а ты что сдѣлалъ?

ШОМОСЪ.

Милостивой государь! я ничего не нашелъ въ письмахъ Сократовыхъ, въ чемъ бы его обвинять было можно; а доказываю прямо, что онъ все думаетъ иначе, нежели какъ говоритъ въ своихъ письмахъ, и покажу вамъ ядъ во всѣхъ словахъ его.

АНИТУСЪ.

Изрядно! отнесижъ сію записку къ четвертому судьѣ. Етотъ человѣкъ не очень разуменъ; но онъ тебя выслушаетъ совершенно. А ты Бертилосъ?

БЕРТИЛОСЪ.

Вотъ, милостивой государь! мой послѣдней журналъ на хаосъ; я доказываю въ немъ проходя отъ хаоса до Олимпическихъ игоръ, что Сократъ есть ядъ для молодыхъ людей.

АНИТУСЪ.

Чрезвычайно! поди отъ меня къ седьмому судьѣ и скажи, что я ему вручаю Сократа; а вотъ и Мелитусъ, главной изъ одиннатцати сюда

да приближается. Нѣтъ никакихъ околичностей въ нашемъ съ нимъ обхожденіи: мы другъ друга знаемъ довольно.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

АНИТУСЪ и МЕЛИТУСЪ.

АНИТУСЪ.

Господинъ судья! надобно погубить Сократа.

МЕЛИТУСЪ.

Ужѐ я давно, господинъ Жрецъ, о семъ помышляю: согласимся на оное; но наше несогласіе и здѣсь намъ препятствовать будетъ.

АНИТУСЪ.

Я знаю, что мы другъ друга ненавидимъ; но надлежитъ всей взаимной ненависти соединиться, дабы управлять республикой.

МЕЛИТУСЪ.

Изрядно! никто здѣсь насъ не слышитъ: я знаю, что ты плутъ, что ты не почитаешь меня такъ, какъ честнаго человѣка почитать должно. Я не могу вредить тебѣ для того, что ты великій жрецъ; а ты не можешь меня погубить для того, что я главной судья. Но Сократъ можетъ намъ вредить, какъ одному, такъ и другому, насъ обличая. И такъ намъ должно сперва его умертвить; а послѣ мы увидимъ, какъ мы можемъ искоренить при первомъ случаѣ другъ друга.

АНИТУСЪ. (*Въ сторону*)

Ничего лучше сего сказать не можно: ахъ --- какъ бы я хотѣлъ видѣть сего негоднаго Ареопагскаго

скаго плута на жертвеннике разпростертаго, и вскрыть моим златым ножем его внутренность, для изследованія его легкаго по моей воле.

МЕЛИТУСЪ. (*въ сторону.*)

Или не будет того никогда, чтоб я мог увидеть сего бездельнаго жреца в оковах, и чтобы мог принудить его выпить стакан яду к моему удовольствію.

АНИТУСЪ.

Ну любезной друг, вот ваши товарищи сюда приближаются; а народ уже мною приготовлен.

МЕЛИТУСЪ.

Очень хорошо! любезной друг; теперь будь на меня во всем надежен, впрочем навсегда ненавидь меня.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

АНИТУСЪ, МЕЛИТУСЪ.

(*и несколько судей Аѳинских проходят под переходами.*)

(*Анитус нечто говорит на ухо Мелитусу.*)

ДРИКСА, ТЕРПАНДРЪ и АКРОСЪ вместе.

Защитите, защитите; соблазн, злочестіе; защитите, защитите, беззаконіе, злочестіе защитите!

АНИТУСЪ.

Что ето значит, мои друзья? О чем вы жалуетесь?

ДРИКСА, ТЕРПАНДРЪ и АКРОСЪ.

Мы требуемъ правосудія именемъ всего народа.

МЕЛИТУСЪ.

Противу кого?

ДРИКСА, ТЕРПАНДРЪ и АКРОСЪ.

Противу Сократа.

МЕЛИТУСЪ.

А, а! Противу Сократа? Ето уже не первыя на него жалобы. Что онъ сдѣлалъ?

АКРОСЪ.

Я ничего не знаю.

ТЕРПАНДРЪ.

Говорятъ, что онъ даетъ деньги дѣвицамъ, чтобъ оныя вступали въ супружество.

АКРОСЪ.

Такъ, Онъ повреждаетъ нравы молодыхъ людей.

ДРИКСА.

Сей злочестивецъ не приноситъ жертвы богинѣ Церерѣ, и говоритъ, что много есть золота и сребра во храмѣ безъ всякой пользы.

АКРОСЪ.

Да, онъ говоритъ, что жрецы Цереры иногда упиваются, что и правда: однако есть злочестіе.

ДРИКСА.

Онъ еретикъ; онъ отвергаетъ многобожіе, и вѣритъ единому Богу: и потому онъ безбожникъ.

ВСЕ ТРОЕ ВМѢСТѢ.

Такъ, онъ еретикъ, Деистъ и Атеистъ.

МЕЛИТУСЪ.

Вотъ весьма важные и вѣроятные доносы, и я уже обо-всемъ томъ, что вы теперь сказываете, извѣстенъ.

АНИТУСЪ.

Государство въ опасности, ежели не наказано будетъ подобное беззаконіе, да и самая Минерва отъиметъ отъ насъ свое заступленіе.

ДРИКСА.

Безъ сомнѣнія: я его слышала ругающаго сову, посвященную Минервѣ.

МЕЛИТУСЪ.

Сову, посвященную Минервѣ? О небо! или вы не согласитесь, государи мои, чтобъ его сей же часъ посадить въ темницу.

СУДЬИ ВМѢСТѢ.

Конечно, скорѣе его въ темницу.

МЕЛИТУСЪ.

Стражи, возьмите скорѣе Сократа и отведите въ темницу.

ДРИКСА.

И чтобъ его тамъ сожгли, со всѣмъ его не слушая.

ОДИНЪ ИЗЪ СУДЕЙ.

Ахъ! по крайней мѣрѣ его выслушать должно: мы не можемъ преступить законовъ.

АНИТУСЪ.

Чрезъ сіи свои слова сія набожная женщина разумѣетъ то, что конечно его выслушать должно, да не давать себя въ обманъ словамъ его; ибо вы знаете, что сіи Философы имѣютъ діявольскую хитрость: они всегда бывали причиною всякихъ замѣшательствъ въ государствахъ, гдѣ мы токмо миръ вкоренять стараемся.

МЕЛИТУСЪ.

Въ темницу, въ темницу.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Всѣ прежніе.

КСАНТИППА, СОФРОНИМЪ, АГЛАЯ, СОКРАТЪ въ цепяхъ и стражи города.

КСАНТИППА.

Помилуйте! влекутъ моего супруга въ темницу, или ваша совѣсть вамъ господа судьи не упрекаетъ, что вы столь безчеловѣчно поступаете съ человѣкомъ его лѣтъ? Какое бы зло онъ могъ сдѣлать? Онъ къ тому не способенъ. Увы! онъ больше глупъ, нежели золъ. Государи, сжальтесь надъ его состояніемъ: ахъ, любезной мужъ! я всегда говаривала тебѣ, что ты самъ конечно нещастія своего будешь причиною. Вотъ! таково-то давать приданое дѣвицамъ. Ахъ какъ я нещастна.

СОФРОНИМЪ.

Ахъ, государи! почтите его старость и его добродѣтель, и возложите на меня сіи оковы: я

съ

съ радостію отдаю вамъ за него мою жизнь и вольность.

АГЛАЯ.

Конечно! мы пойдемъ въ темницу вмѣсто его и умремъ за него, ежели такъ должно. Не отягчайте ничемъ сего справедливѣйшаго и великаго человѣка; и возьмите насъ вмѣсто его себѣ въ жертву.

МЕЛИТУСЪ.

Изъ сего видите, сколь онъ много повреждаетъ юность.

СОКРАТЪ.

Перестань, любезная супруга, перестаньте мои дѣти противиться небесной власти! она опредѣляетъ теперь сіе гласомъ закона: противляйся же закону не достойнъ называться гражданиномъ. Богъ хощетъ, чтобъ я былъ въ оковахъ; я безъ роптанія его судьбамъ повинуюсь. Въ моемъ домѣ, во Аѳинахъ, и въ темницѣ, я вездѣ равно свободенъ. И когда я нахожу въ васъ толико сожалѣнія и дружбы, то я вездѣ благополученъ. Что нужды, что Сократъ будетъ спать въ своемъ домѣ или въ темницѣ Аѳинской? Все сіе зависитъ отъ опредѣленія божескаго, коему и моя воля должна сообразоваться.

МЕЛИТУСЪ.

Возьмите сего разкащика.

АНИТУСЪ.

Государи мои; настоящія его слова меня смягчаютъ: онъ, кажется мнѣ, имѣетъ весьма доброе сердце. И такъ ласкаю себя, что я могу его еще исправить; позвольте мнѣ наединѣ

 здѣсь

здѣсь нѣсколько съ нимъ поговорить, и прикажите, чтобъ его супруга, и сіи молодые люди насъ оставили.

ОДИНЪ ИЗЪ СУДЕЙ.

Мы на сіе согласны, почтенный Анитусъ, и вы можете съ нимъ переговорить прежде нежели онъ къ нашему суду будетъ представленъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ НАДЕСЯТЬ.

АНИТУСЪ, СОКРАТЪ.

АНИТУСЪ.

Добродѣтельной Сократъ! сердце мое терзается видя тебя въ таковомъ состояніи.

СОКРАТЪ.

Такъ вы имѣете сердце?

АНИТУСЪ.

Конечно; и я все для тебя сдѣлать въ состояніи.

СОКРАТЪ.

Я истинно увѣренъ, что вы ужè много для меня сдѣлали.

АНИТУСЪ.

Послушай, твое состояніе весьма опаснѣе нежели какъ ты объ ономъ думаешь: дѣло идетъ о твоей жизни.

СОКРАТЪ.

Слѣдовательно о самой бездѣлицѣ?

АНИТУСЪ.

Оно ничего для твоей неробкой и великой душѝ, но весьма много для тѣхъ, кои почитаютъ,

ютъ, какъ я, твою добродѣтель. Вѣрь мнѣ, какою бы Философіею твоя душа ни была вооружена; но все несносно погибать безчестною казнію. А ето еще не все: твоя слава, которая, я чаю, тебѣ весьма дорога, навсегда помрачена будетъ. Не токмо что всѣ набожные люди порадуются твоей смерти, но будутъ поносить тебя, возжигать костеръ, ежели тебя осудятъ насожженіе; стягивать верву, ежели ты будешь удавленъ; и пріуготовлять тотъ ядъ, естьли отравить тебя осудятъ; да они потщатся сдѣлать память твою гнусною въ будущія роды. Ты можешь легко отвратить отъ себя сей поносной конецъ, я отвѣчаю спасти твою жизнь; и еще объявить тебя чрезъ судей самымъ мудрымъ человѣкомъ, такъ какъ и прежде предвозвѣстникомъ Аполлоновымъ. А для сего тебѣ должно мнѣ только уступить твою прекрасную Аглаю съ награжденіемъ, которое ты ей даешь, а бракъ ея съ Софронимомъ мы легко разрушить можемъ; и такъ ты будешь наслаждаться въ тишинѣ почтенной старостью, а боги и богини да благословятъ тебя.

СОКРАТЪ.

Стражи, не медля здѣсь болѣе, препроводите меня въ мою темницу.

(*отходятъ.*)

АНИТУСЪ.

Его больше исправить не можно. Теперь уже не я виною: я наблюдалъ мою должность, и теперь ни чѣмъ упрекать мнѣ себя не остается; и такъ надобно его оставить на свой разсудокъ умирать безъ покаянія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СУДЬИ, СИДЯЩІЕ НА СВОИХЪ МѢСТАХЪ.

СОКРАТЪ СТОЙТЪ ПРЕДЪ ОНЫМИ.

ОДИНЪ ИЗЪ СУДЕЙ КЪ АНИТУСУ.

Вамъ бы не должно здѣсь присудствовать ибо вы жрецъ Цереринъ.

АНИТУСЪ.

Я здѣсь токмо для спасенія.

МЕЛИТУСЪ.

Слушай, Сократъ; ты обвиняемъ худымъ гражданиномъ, развратникомъ юношества, отвергателемъ многобожія, еретикомъ, дѣистомъ и безбожникомъ, отвѣтствуй.

СОКРАТЪ.

Судьи Аѳинскіе: я прошу васъ, чтобъ вы всегда были столькоже добрые граждане, сколько я всегда онымъ быть старался; и проливали бы вашу кровь для отечества, такъ какъ и я проливалъ мою во многихъ сраженіяхъ. Чтожъ

ка-

касается до юношества, о которомъ вы мнѣ говорите: то не преставайте наставлять оное вашими совѣтами, а еще больше вашими примѣрами; научайте его любить прямую добродѣтель, и убѣгать ложной Философіи. Рѣшеніе о многобожіи, есть нѣсколько труднѣе: однако вы меня легко разумѣть можете; судьи Аѳинскіе! Богъ есть только единъ.

МЕЛИТУСЪ *и одинъ изъ судей.*

Ахъ! беззаконникъ.

СОКРАТЪ.

Единъ есть Богъ! я еще подтверждаю: его естество есть безконечно, и такъ ни едино существо не можетъ раздѣлять съ нимъ его безконечность. Возведите очи ваши на высоту небесную, обратите ихъ на землю и на моря̀, все соотвѣтствуетъ одно другому, и все сотворено одно для другаго, всякая вещь соединена съ другими, и все на одинъ конецъ; а изъ того слѣдуетъ, что онѣ всѣ имѣютъ одного Творца, одного Го́спода и Хранителя своего. Можетъ быть благоволилъ онъ сотворить духовъ, больше мощныхъ и вѣдущихъ, нежели человѣкъ; и ежели они бытіе свое имѣютъ, то они такіе жъ какъ и вы твари. И такъ они первые его слуги, а не боги; однакожъ еще ничто въ природѣ не увѣряетъ насъ, чтобъ они находились, а все доказываетъ намъ, что есть токмо единъ Богъ и Отецъ. Сей Богъ не имѣетъ нужды въ Меркуріи, или въ Ирисѣ, чтобъ намъ чрезъ ихъ давать свои повелѣнія; довлѣетъ единое токмо его благоволеніе. Естьли чрезъ Минерву

нерву вы разумѣете премудрость Божію, и чрезъ Нептуна его власть надъ морями; то я говорю, что вамъ можно почитать Нептуна и Минерву, однако такъ, чтобъ подъ сими видами, вы почитали одно безконечное существо, не подавая чрезъ то причины заблуждать народу. Берегитесь въ Метафизику превращать вѣру, которую составляетъ нравоученіе. Надлежитъ повиноваться ей безъ изслѣдованія; и ежели наши предки сказываютъ намъ, будто бы Юпитеръ снисходилъ во объятія Алкмены, Данаи, Семелы, и имѣлъ дѣтей отъ оныхъ; то они оставили намъ весьма страшную басню: сіе есть явной знакъ ругаться божеству, естьли думать, что то подлинно была правда. Сіе можетъ другихъ людей привести въ уныніе, естьли утверждать, что для того, чтобы быть великимъ человѣкомъ, надлежитъ родиться таинственнымъ образомъ отъ Юпитера. Милтіадъ, Цимонъ, Ѳемистоклъ, Аристидъ, коихъ вы гнали, стоили конечно Персея, Геркулеса и Бахуса, Нѣтъ другаго способа быть чадами Божіими, какъ только угождать его волѣ, и быть правосудну. Заслуживайте сіе справедливымъ вашимъ всегда рѣшеніемъ.

МЕЛИТУСЪ.

Какое богохуленіе и наглость!

ДРУГОЙ СУДІЯ.

Какая глупость: и совсѣмъ не видно, что онъ чрезъ оное разумѣетъ.

Мели-

МЕЛИТУСЪ.

Сократъ! ты лишь стараешся намъ дѣлать свои разсужденія. Намъ они не надобны: отвѣчай намъ просто и вѣрно, шутилъ ли ты совою, посвященною Минервѣ.

СОКРАТЪ.

Судьй Аѳинскіе, прошу остерегайтесь въ вашихъ птицахъ. Когда вы желаете включать въ вѣру вещи, ничего незначущія, то большая половина людей будетъ ничему невѣрящихъ: они довольно имѣютъ разума, чтобъ видѣть ваше дерзкое ученіе; но онъ у нихъ еще не таковъ, чтобъ могъ привесть ихъ къ истинному познанію. Они умѣютъ смѣяться вашимъ божкамъ, и не знаютъ истиннаго поклоненія Богу всей твари, единому, непостижимому, непремѣнному, вѣчному, и столь же правосудному сколь и всемогущему.

МЕЛИТУСЪ.

Ахъ богохульникъ! чудовище! онъ ужѐ сказалъ довольно: и такъ я осуждаю его на смерть.

МНОГІЯ ИЗЪ СУДЕЙ.

И мы также.

ОДИНЪ СУДІЯ.

А мы многіе совсѣмъ на сіе не согласны: мы находимъ, что Сократъ говорилъ весьма справедливо; и думаемъ, что люди были бъ гораздо справедливѣе и разумнѣе, когда бы они всѣ были его мнѣнія, и я съ моей стороны не толь-

ко

ко чтобъ его обвинять, да еще и наградить совѣтую.

МНОГІЕ ИЗЪ СУДЕЙ.

Мы тоже думаемъ.

МЕЛИТУСЪ.

И такъ наши мнѣнія раздѣляются.

АНИТУСЪ.

Господа̀ судьй Ареопага дозвольте мнѣ спросить Сократа! вѣришь ли ты? Что солнце ходитъ и что Ареопагъ есть законъ, Богомъ учрежденный.

СОКРАТЪ.

Ты не имѣешь права дѣлать мнѣ вопросы. Но я имѣю оное научать тебя тому, чего ты не знаешь: какая прибыль обществу, что земля вертится или нѣтъ; да ему надобно то, чтобъ люди вертящіеся съ нею были справедливы. Добродѣтель одна есть Богомъ уставлена, а ты и Ареопагъ не имѣете другихъ правъ, какъ токмо отъ общества вамъ дарованныхъ.

АНИТУСЪ.

Свѣтлѣйшіе и справедливѣйшіе судьй, велите вытти Сократу.

(*Мелитусъ дѣлаетъ знакъ, по которому отводятъ Сократа*).

АНИТУСЪ. Продолжаетъ.

Вы слышали августѣйшій Ареопагъ, небомъ, утвержденный, какъ сей опасной человѣкъ отрицалъ обращеніе солнечное и что бремена на васъ наложенныя не суть божественною властію.

Ежели

Ежели столь ужасныя мнѣнія расплодятся, то не будетъ болѣе начальства и все будетъ свѣтъ солнечный. Вы ужѐ будете не судьи Минервой учрежденные. Вы должны будете отдавать отчетъ въ вашихъ опредѣленіяхъ, и судить только по законамъ. А когда будете зависить отъ закона, то вы всѣ погибнете. Предупредите смятеніе и мстите за небо и землю. Я выхожу, спасайтесь прогнѣвить боговъ, ежели Сократа еще въ живыхъ оставите.

(Анитусъ выходитъ и судьи и подаютъ свои мнѣнія.)

ОДИНЪ судія.

Я не хочу ссориться съ Анитусомъ. Сей человѣкъ весьма опасной, и ежели бы только сіе касалось до боговъ, то бы еще было сноснѣе.

(Одинъ изъ судей къ тому, которой говорилъ.)

Между нами сказать, Сократъ совсѣмъ не виненъ; но онъ виноватъ только потому, что говорилъ всенародно, я не больше какъ и онъ думаю о Церерѣ, и Нептунѣ, однако ему бы не надлежало говорить предъ всѣмъ Ареопагомъ то, что только можно сказать тайно. Но чтожъ будетъ за бѣда, чтобъ наконецъ отравить Философа, а особливо тогда, когда онъ ужѐ дуренъ и старъ.

ДРУГОЙ изъ судей.

Ежели есть несправедливость въ осужденіи Сократа, то сіе не отъ меня, да отъ Анитуса про-

проиходитЪ. Я во всемЪ полагаюсь на его совесть, а между тѣмЪ только теряемЪ время. На смерть, на смерть, и чтобЪ больше о томЪ не говорили.

ЕЩЕ ДРУГОЙ

ГоворятЪ, что онЪ еретикЪ и безбожникЪ, на смерть, на смерть.

МЕЛИТУСЪ.

Призовите Сократа (его вводятЪ) да благословятся боги! большинство голосовЪ опредѣляетЪ на смерть. СократЪ, боги тебѣ повелѣваютЪ нашими устами выпить ядЪ и умереть.

СОКРАТЪ.

Мы всѣ смертны. Природа вамЪ всѣмЪ, такЪ же вЪ короткое время умереть опредѣлила, и такЪ вѣроятно, что вы будете имѣть конецЪ еще горестнѣе моего. Болѣзни кЪ смерти приводящія, гораздо чувствительнѣе, нежели стаканЪ яду. НаконецЪ я нахожу себя обязаннымЪ похвалить тѣхЪ судей, кои судили вЪ пользу невинности, а впрочихЪ сожалѣть.

ОДИНЪ СУДІЯ, выходя.

Совершенно сей человѣкЪ достоинЪ былЪ воздаянія, вмѣсто стакана яду.

ДРУГОЙ СУДІЯ.

Ето правда; но естьли для чего ссориться сЪ жрецомЪ Цереры?

ДРУГОЙ СУДІЯ.

Я очень обрадован смертію сего Философа: сіи люди обыкновенно сами в себѣ надменны, что истребить в них весьма потребно.

СУДІЯ.

Послушайте, мои государи! не лучше ли, пока еще в нашей волѣ, чтоб переморить всѣх Геометров, кои полагают, что три угла треуголника суть равны двоим прямым углам; а чрез то они весьма соблазняют народ, прилѣжащій к чтенію их книг.

ДРУГОЙ СУДІЯ.

Конечно их должно погубить при первом засѣданіи, а теперь время обѣдать.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СОКРАТ ОДИН.

Ужѐ давно пріуготовил я себя к смерти. Теперь страшусь только того, чтоб Ксантиппа, жена моя, не пришла востревожить послѣдніе минуты моей жизни, и возмутить сладкое души моей спокойствіе. Я теперь долженствую помышлять только об одном вышнем существѣ, пред котораго весьма скоро предстану. Но вот и она. Должно во всем быть терпѣливу.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

СОКРАТЪ, КСАНТИППА, И УЧЕНИКИ СОКРАТОВЫ.

КСАНТИППА.

Ну бѣдной человѣкъ! что сіи судьи о тебѣ заключили? подвергли ли они тебя наказанію или изгнанію? или они тебя простили? Боже мой! сколько я о тебѣ страдаю. Старайся, прошу тебя, чтобъ сіе съ тобой другой разъ еще когда не случилось.

СОКРАТЪ.

Нѣтъ, жена! сего въ другой разъ случиться со мной не можетъ. Я тебѣ въ томъ отвѣчаю. Не безпокойся болѣе. Здравствуйте! любезные ученики и друзья мои.

КРИТОНЪ СО УЧЕНИКАМИ СОКРАТОВЫМИ.

Ты насъ видишь всѣхъ столько же встревоженныхъ твоею судьбиною, сколько и супругу свою Ксантиппу; мы испросили у судей позволеніе тебя видѣть. Праведное небо! можно ли чтобы мы видѣли Сократа, въ цѣпяхъ заключеннаго. Позволь! цѣловать намъ тѣ желѣза, которыя ты собою украшаешь; и которыя стыдъ Аѳинамъ наносятъ. Возможно ли! чтобъ Анитусъ съ своими сообщниками могли тебя привесть въ такое состояніе.

СОКРАТЪ.

Перестанемъ думать о сей бездѣлицѣ, любезные друзья. Станемъ продолжать наше

вчера-

вчерашнее о безсмертіи души разсужденіе: мнѣ мнится, говорили мы, что нѣтъ ничего вѣроятнѣе, ниже утѣшительнѣе намъ сего умоначертанія. Безъ сомнѣнія, существо превращается, а не погибаетъ, такъ какъ же душѣ погибнуть можно? Можно ли тому статься, чтобъ мы, бывъ возведены къ познанію Бога, съ симъ бреннымъ тѣломъ, перестали его познавать по разрѣшеніи онаго? Нѣтъ. И есть ли мы размышляемъ, то и останемся на всегда съ тѣмъ же размышленіемъ. Мы ль есть существо человѣка; и сіе то существо долженствуетъ явиться предъ правосудіе Божіе, награждающее добродѣтели, наказующее злодѣянія, и прощающее наши слабости.

КСАНТИППА.

Ето очень хорошо сказано; но чего хощетъ отъ тебя сей гнусной человѣкъ съ своимъ стаканомъ.

(*Темничный надзиратель, держатъ сосудъ съ ядомъ*).

Пріими Сократъ! вотъ, что тебѣ Сенатъ присылаетъ.

КСАНТИППА.

Какъ проклятой убіица ты пришелъ сюда, чтобъ при моихъ глазахъ умертвить моего мужа: я тебя обезображу! Чудовище.

СОКРАТЪ.

Любезной другъ, я прошу прощенія за мою супругу; она всегда бранила своего мужа,

 такъ

такЪ и сЪ тобою такЪ же поступаетЪ. Снеси великодушно сію ея запальчивость, подай.

(*Беретъ стаканъ съ ядомъ*).

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

Для чего не дозволятЪ намЪ, божественный СократЪ выпить сію отраву. КакимЪ жестокимЪ неправосудіемЪ тебя у насЪ отЪемлютЪ. КакЪ? преступники обвиняютЪ праведнаго! безумныя осуждаютЪ мудраго! и ты умираешь.

СОКРАТЪ.

НѣтЪ, я иду кЪ жизни. ВотЪ питіе безсмертія: не тѣло смертное васЪ вЪ жизни моей любило и научало, а моя душа, которая сЪ вами всегда пребывала, и навсегда васЪ любить станетЪ.

(*Хочетъ пить*).

ПРИСТАВЪ.

НадлежитЪ, чтобЪ я прежде снялЪ сЪ васЪ желѣзы; ибо такЪ законЪ повелѣваетЪ.

СОКРАТЪ.

Сними, ежели такЪ должно.

(*Чешетъ нѣсколько свою ногу*).

ОДИНЪ ИЗЪ ЕГО УЧЕНИКОВЪ.

КакЪ? вы улыбаетесь.

Сок-

СОКРАТЪ.

Я улыбаюсь, помышляя, что отъ болѣзни происходитъ радость такимъ же образомъ и вѣчное блаженство произойдетъ отъ бѣдствій, сея жизни.

(*Выпиваетъ*).

КРИТОНЪ.

Ахъ! что ты сдѣлалъ?

КСАНТИППА.

Увы! за нѣсколько подобныхъ симъ смѣшныхъ словъ, умерщвляютъ сего бѣднаго человѣка! По истиннѣ, любезной супругъ, ты терзаешь мое сердце, я разорву всѣхъ судей своими руками. Случалось, я бранивала тебя: но я тебя любила. А сіи столь учтивые люди тебя умерщвляютъ. Ахъ! любезный супругъ! ахъ!

СОКРАТЪ.

Успокойся, любезная Ксантиппа, не плачьте, мои друзья; не прилично ученикамъ Сократовымъ проливать слезы.

КРИТОНЪ.

Но можно ли не проливать ихъ по столь ужасномъ осужденіи?

СОКРАТЪ.

Такимъ образомъ всегда будутъ поступать съ почитателемъ единаго Бога, и непріятелями суевѣрія.

КРИТОНЪ.

Увы! надлежало ли, чтобъ ты былъ ихъ жертвою?

СОКРАТЪ.

Не худо Богу быть жертвою, я умираю спокоенъ. Правда, я хотѣлъ бы прибавить къ утѣшенію моему, произшедшему отъ того, что васъ теперь вижу, и то, чтобъ еще обнять Софронима и Аглаю: я удивляюсь, что ихъ здѣсь нѣтъ съ вами. Они бы послѣднія мои минуты сдѣлали мнѣ еще пріятнѣе.

КРИТОНЪ.

Увы! они не знаютъ, что ты исполнилъ неправосудіе судей твоихъ; они говорятъ народу, ободряютъ правителей, берущихъ твою сторону. Аглая открываетъ злодѣйство Анитуса; и бесчестіе его уже становится извѣстно всему народу. Аглая и Софронимъ можетъ быть еще бы твою жизнь спасти были въ состояніи. Ахъ, любезной Сократъ! для чего ускорилъ ты свои послѣднія минуты.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

АГЛАЯ, СОФРОНИМЪ и прежніе.

АГЛАЯ.

Божественный Сократъ не страшись болѣе, утѣшься Ксантиппа, и вы достойные ученики Сократовы не проливайте больше слезъ вашихъ.

Со-

СОФРОНИМЪ.

Твои враги ужѐ попраны, и весь народъ тебя защищаетъ.

АГЛАЯ

Мы говорили, и объяснили ревность и хитрость злочестиваго Анитуса. Мнѣ надлежало бы просить правосудія за его злодѣйство, для того, что я тому причиною.

СОФРОНИМЪ.

Анитусъ укрывается бѣгствомъ отъ народной злости: его и сообщниковъ его истребить ищутъ: приносятъ общую похвалу судьямъ, кои тебя оправдать старались; народъ ужѐ у дверей твоей темницы, и ожидаетъ, чтобы препроводить тебя торжественно въ домъ твой.

КСАНТИППА.

Увы! труды сіи теперь напрасны.

(*Одинъ изъ учениковъ*).

О небо! о Сократъ! для чего ты повиновался?

АГЛАЯ.

Живи, любезной Сократъ, благодѣтель своему отечеству, образецъ смертнымъ! живи къ щастію народа.

КРИТОНЪ.

Добродѣтельная чета, достойные друзья теперь ужѐ не время.

Ксан-

КСАНТИППА.

Вы весьма опоздали.

АГЛАЯ.

Какъ! ужѐ не время? Праведное небо!

СОФРОНИМЪ.

Какъ! или Сократъ выпилъ стаканъ отравы?

СОКРАТЪ.

Дражайшая Аглая! любезный Софронимъ! законъ повелѣвалъ, чтобъ я принялъ ядъ: я ему со всѣмъ его неправосудіемъ повиновался. Ибо оное только на меня стремится. Когда бы сіе неправосудіе было противу другаго, то я бы ему противорѣчилъ. Я умираю; но примѣръ дружбы и великодушія, которой вы даете видѣть свѣту, никогда не погибнетъ. Ваша добродѣтель превышаетъ злость меня обвиняющихъ. Я весьма доволенъ самымъ тѣмъ, что называютъ теперь моимъ нещастіемъ; ибо оно показало свѣту всю силу вашего добросердечія. Любезная Ксантиппа, будь благополучна, и помни, что для сего надлежитъ умѣрять нравъ свой. Любезные ученики, внимайте всегда гласу Философіи, которая научаетъ презирать гонителей, и сожалѣть о слабостяхъ человѣческихъ. А вы, Аглая и Софронимъ, будьте всегда таковы, каковыми я васъ вижу.

АГЛАЯ.

Сколь достойны мы сожалѣнія, что не можемъ замѣнить смерть твою.

СОКРАТЪ.

Ваша жизнь есть нужна, а моя безполезна. Примите искреннее и послѣднее отъ меня цѣлованіе. Врата вѣчности мнѣ уже отворяются.

КСАНТИППА.

Онъ былъ великій человѣкъ, я это знаю. Ахъ! пойду и возмущу народъ.

СОФРОНИМЪ.

Ежели можно созидать олтари человѣку; то сооружимъ оные Сократу.

КРИТОНЪ.

Пускай разумъ его всѣхъ научитъ, что только единому Богу олтари сооружать прилично.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

стран.	строк.	напечатано.	читай.
6.	11.	испорченнело	испорченнаго
6.	23.	обходится	обходятся
6.	28.	дѣо	дѣло
10.	32.	наноите	наносите
14.	27.	меого	моего
16.	8.	потавлялъ	поставлялъ
30.	12.	смѣшонъ.	смѣшенъ

